

Вэй Хэпин хотел было откреститься фразой: «Ничего не знаю, ничего не слышал, не спрашивайте», — ведь чем больше скажешь, тем больше ляпнешь. А расскажи он хоть что-то, эта толпа тут же пристанет с расспросами, кто же тот пострадавший Омега. Но один из одноклассников поддел:

— Да точно ты всё знаешь! Вы же с Цзян Хуаем не разлей вода, ты у него единственный друг.

Заготовленная триада «не знаю, не видел, не спрашивайте» сделала крутой вираж в горле Вэй Хэпина, и наружу вырвалось совсем другое:

— Ну ещё бы я не знал! Мы с Цзян Хуаем — водою не прольёшь!

— Так ты давно всё знал?!

— С самого начала!

— Охренеть... Так это правда? Цзян Хуай целую четверть отдувался за чужой грех? Да что там вообще произошло?

— А что там могло произойти? — Вэй Хэпин скривил губы, изо всех сил сгущая краски и доводя трагизм геройства Цзян Хуая до абсурда. — Благородный порыв, защита слабого, но мир грязен, и героя ждал печальный финал.

Все:

— ...

Вэй Хэпин хлопнул по столу и сокрушенно вздохнул:

— Вы даже не представляете, на какие жертвы пошёл брат Хуай, чтобы сохранить эту тайну! — Он оглядел слушателей: — Помните, в прошлом месяце гопники из Четвертой школы припёрлись во Вторую школу драться? Думаете, они сами по себе притащились? Это всё Сун Цзюнь их нанял, чтобы отомстить Цзян Хуаю!

— Ничего себе! Серьёзно? — Раскрыв рты от изумления, зашумели одноклассники. Эдакого эксклюзива на школьном форуме точно не было.

Вэй Хэпин ничуть не смущался собственной гиперболизации:

— А вы как думали? То, что вы видели — лишь верхушка айсберга, а сколько раз такого не видели! Если Цзян Хуай не бьёт Сун Цзюня, тот мстит ему изо всех сил; а стоило Цзян Хуаю врезать Сун Цзюню, так вы сразу завели песню, мол, Альфа травят Омег... Каково Цзян Хуаю терзать себя такой несправедливостью?

— Цзян Хуай поступил как герой, встал на защиту справедливости, — Вэй Хэпин принялся загибать пальцы. — А школа вынесла ему предупреждение об отчислении! Этот мусор Сун Цзюнь гуляет на свободе, какой-то придурковатый учитель состряпал опрос и сделал его самым ненавистным учеником, а хулиганы из Четвертой школы каждый день выстраиваются в очередь, чтобы отомстить Цзян Хуаю... — Он искоса взглянул на Лю Чан за передней партой, лицо которой заметно потемнело, и холодно хмыкнул: — К тому же всякая мразь из нашего класса целыми днями распускает сплетни, поливает Цзян Хуая грязью за спиной, а стоит самой выгрести за свой длинный язык, так бежит к мамочке и распускает сопли... Совесть-то есть вообще?

Лю Чан со всей дури грохнула кулаком по столу.

Вэй Хэпин закатил глаза.

Лю Чан, побледневшая до предела, метнула на Вэй Хэпина исполненный ненависти взгляд, с грохотом оттолкнула стул и выскочила из класса.

— Поглядите-ка, яблочко от яблони, — поцокал языком Вэй Хэпин и снова повернулся к остальным. — Вот только когда этот мусор Сун Цзюнь попался, правда наконец выплыла наружу. А не то Цзян Хуаю пришлось бы нести чужой крест вплоть до самого выпуска из школы. — Он помедлил и добавил: — И кроме друзей, никто бы его не понял.

— Наверное, путь героя — это всегда одиночество, тьма и полное непонимание со стороны окружающих, — с вздохом заключил Вэй Хэпин.

Слушатели были ошеломлены драмой, преувеличенной Вэй Хэпином раз в пять.

Спустя долгое молчание кто-то произнёс:

— Если так подумать... Цзян Хуаю реально не повезло.

— Блин, мне тоже его жалко.

— Неужели Цзян Хуай всё это благородно терпел?

— ...Я-то думал, вчерашние посты на школьном форуме про «судьбу, что ранит нас» — полнейшая чушь, а они, получается, не врал?

Вэй Хэпин поднял руку, переходя к глубокому анализу:

— На самом деле, если вдуматься, в этом есть глубокая логика. Почему с древнейших времён и по сей день во всей мировой литературе образы героев всегда пропитаны трагизмом? Взять хоть Ахиллеса, хоть Юэ Фэя — все они...

Договорить он не успел: сзади по затылку прилетел ощутимый подзатыльник. Вэй Хэпин почесал ушибленное место и поднял глаза:

— ...Брат Хуай??

Цзян Хуай с бесстрастным лицом поглядел на него сверху вниз:

— Заткнись уже, а?

Вэй Хэпин:

— ...

Цзян Хуай лежал на парте, делая вид, что спит. Он толком и заснуть не успел, да и в мыслях так и не уложилось, сколько воды натекло в голову председателя Бо, как на переднем ряду раздался неугомонный треп Вэй Хэпина. Не подойди он сейчас, Вэй Хэпин возвёл бы его в ранг национального героя, закрывшего собой амбразуру.

Цзян Хуай заставил Вэй Хэпина умолкнуть и направился к передней двери.

Сюй Вэньян повесил результаты пробного экзамена на информационном стенде возле двери. Перемена уже подходила к концу, так что большинство учеников успели всё рассмотреть, и возле стенда толпились всего три-четыре человека.

Цзян Хуай помедлил пару секунд и бросил быстрый взгляд на список.

Самая заметная строка, как всегда, располагалась на самом верху.

Бо Цзянь, номер 0001, место в параллели по результатам пробного экзамена — 0001. Никаких изменений по сравнению с ежемесячным тестированием.

Впрочем, Цзян Хуай обычно искал себя с самого низа.

Быстрее всего найти себя в списке можно в двух случаях: если ты в первых рядах или с самого конца — всё видно с первого взгляда.

Цзян Хуай, номер 1534, место в параллели по результатам пробного экзамена — 1326, общий балл... 393.

На прошлом ежемесячном тестировании Цзян Хуай набрал 162 балла. Он прикидывал: если бы писал всерьёз, мог бы удвоить тот результат... Но толку-то? Чуть больше трёхсот баллов — не хватит даже для поступления в вуз третьей категории.

На этот раз задания пробного экзамена оказались проще, так что триста девяносто с лишним баллов вполне попадали в категорию «хорошего результата».

Самая высокая оценка выходила по родному языку — 93 балла.

Цзян Хуай отвёл взгляд, сделав вид, будто просто прошёл мимо по дороге в туалет. Но по нужде ему не требовалось, поэтому он просто ополоснул руки в раковине... До промежуточных экзаменов оставалось чуть меньше недели. Если взяться за ум и позаниматься...

Может, на промежуточных удастся перевалить за четыреста?

Программа промежуточных экзаменов охватывала материал за последние два месяца, так что повторить всё было не так уж сложно. Точнее, не слишком сложно для остальных, а вот для такого кадра, как Цзян Хуай, не прослушавшего ни одного урока с самого поступления в старшую школу, это оставалось серьёзной проблемой.

Впрочем, основные сложности касались китайского, математики и английского... Учебные блоки по физике, химии и биологии были достаточно обособленными и мало связывались с базой первого года, так что при повторении можно было быстро добиться видимого прогресса.

Пятьсот баллов — это, конечно, слишком, но если постараться, можно замахнуться на четыреста пятьдесят.

Но... с какой стати вообще стараться?

Цзян Хуай закрутил кран. Ему вдруг показалось, что у него самого мозги накренились. Бо Цзянь ляпнул какую-то херню не подумав, а он тут сидит и всерьёз размышляет, как выжать из себя максимум на промежуточных экзаменах!

Он ни за что не откажется от ингибиторов типа С.

И уж тем более не станет просить Бо Цзяня сделать ему временную метку.

В груди Цзян Хуая вспыхнуло глухое раздражение. Он нахмурился, стряхнул с пальцев капли воды и вернулся к классу. На мгновение замер у передней двери Второго класса, но всё же шагнул внутрь.

Он снова мазнул взглядом по результатам, отсчитывая снизу... Если набрать пятьсот... да ладно, пусть даже не пятьсот, а четыреста пятьдесят — это будет восьмое место с конца в классе и где-то тысяча сотое по всей параллели.

А наберёт пятьсот — войдёт в первую тысячу.

В средней школе, где учился Цзян Хуай, состав учеников был весьма сильным. За три года — от первого класса до выпускных экзаменов — из двух с лишним тысяч человек Цзян Хуай ни разу не выпадал из первых двухсот. На вступительных экзаменах он и вовсе превзошёл сам себя, показав лучший результат за все три года, занял тридцатое с небольшим место и поступил во Вторую школу с порядковым номером 0154.

Цзян Хуай вернулся на своё место.

Прозвенел предварительный звонок, первым уроком шел китайский язык. Староста по предмету снуживал по классу, раздавая проверенные бланки ответов, а отпечатанные листы с ключами передавали с первых парт на задние.

Цзян Хуай поднял руку и передал последний лист с ответами назад.

Листок мягко выскользнул у него из пальцев.

Учительница китайского — молодая Бета — сначала повернулась к доске и вывела на ней интервалы баллов за пробный экзамен, после чего обернулась к классу и подвела итог:

— В этот раз наш класс справился с пробным экзаменом очень хорошо. Больше ста сорока баллов набрали шесть человек, а высший результат по всей параллели — сто сорок пять баллов — тоже у нас... Кроме того, многие заметно улучшили свои показатели. Особо хочу похвалить Ван Цзин и Цзян Хуая...

Цзян Хуай помял уголок листа с ответами.

Первые два урока шли подряд, учительница не делала перерыва между ними, пока не прозвенел звонок с сорокапятиминутки.

После утренней вдохновенной болтовни Вэй Хэпин пребывал в полном восторге и целых два урока переписывался записками со всеми соседями вокруг, живописуя исполненную трагического героизма жизнь Цзян Хуая.

Едва прозвенел звонок, Вэй Хэпин из чувства вины вытянул шею и оглянулся назад... На удивление, Цзян Хуай не спал, уткнувшись в парту, а сидел, подперев голову рукой, и что-то усердно писал ручкой.

Цзян Хуай хаотично выводил на черновике иероглифы и идиомы, в которых допустил ошибки. Наконец он сжал бумажку в комок, отбросил ручку в сторону и вышел через заднюю дверь, прихватив мусор с собой.

Он мельком глянул на соседний стол. Бо Цзянь ушёл сразу после звонка.

Подойдя к мужскому туалету, Цзян Хуай издали метнул бумажный комок точно в мусорную корзину.

<http://bllate.org/book/18377/1766600>